

Далекое-близкое

Когда-то Александр Грин, славный наш писатель-романтик, автор "Алых парусов", шутя обронил: у меня невозможно похитить сюжет, поскольку, кроме меня, им никто не сможет воспользоваться. Недавно перечитал эти строки и задумался о превратностях судьбы другого Грина, у которого тоже невозможно похитить сюжет по той же причине. Ввиду уникальности. Ему выпало стать художественным руководителем единственного в своем роде театра... за колючей проволокой ГУЛАГа, точнее, печально знаменитого Ивдельлага. Театра, собравшего на свои подмостки многих и многих "звезд" отечественной культуры. Сам "худрук" был незаконно репрессирован дважды и вернулся в Москву незадолго до XX съезда партии.

Матвей Грин... Заслуженный работник культуры России, доцент Российской академии театрального искусства, член правления Международного союза деятелей эстрадного искусства. Старейшина российской журналистики (тиснул свою первую заметку в 1928 году), трудился под началом Максима Горького, Михаила Кольцова. Знаменитый театральный драматург, писатель-сатирик, миниатюры которого исполняли с эстрады Райкин и Петросян, Брунов и Бенцианов, Милов и Новицкий, Тарапунька и Штепсель, Олег Милевский...

Взахлеб я перечитал несколько книг, написанных Грином, газетные его воспоминания о Руслановой, Ахматовой, Смелякове, Ардове... На днях заглянул к нему домой. Поздравить с днем рождения. Мэтру исполнилось 83 года. "Как настроение?" — бодро спросил я. "Вот оно, мое настроение, — вздохнул он и кивнул на экран телевизора, по которому в эти минуты шли новости из Чечни. Я ведь в Грозном медаль получил. В 44-м. "За оборону Кавказа". Родители мои там похоронены. В войну возглавлял в "Грозненском рабочем" отдел литературы и искусства. Создал в этом городе фронтовой театр. Ну а тот, лагерный, был потом..."

Он горестно взмахнул рукой: "Думал ли я, что доживу до сегодняшней трагедии..."

С такой вот невеселой ноты и пустился в воспоминания человек, юмор которого заставлял заходиться в смех многотысячные залы.

— Матвей Яковлевич, журналист в роли создателя фронтового театра. Это как же вас утратило?

— Представьте обстановку тех дней. Фронт стремительно продвигается на юг. Фашистами оккупирован Ростов, Ставрополь, Нальчик, на Кавминводах расположились госпитали для офицеров вермахта. В Грозном появился штаб Северной группы войск Закавказского фронта. Вместе с фронтовой газетой "Вперед за Родину" прибыли Ираклий Андроников, Любомир Дмитрико, Вадим Собко, из центра приехали военные корреспонденты Петр Павленко и Борис Горбатов. Враг рвется к Грозному, его нефти. В эвакуацию отправились заводы, фабрики, учреждения, два грозненских театра. В моей редакции остались лишь десять человек вместе с машинисткой, счетоводом и радисткой. Я мотаюсь на передовую, пишу в номер репортажи с места тяжелых боев, развернувшихся под Грозным. Такова канва событий.

— А причем здесь искусство?

— После очередной немецкой бомбежки в редакции появились два молодых грозненских режиссера. И ко мне. Мол, не может город в эти дни остаться без театра, нельзя морально не поддерживать наших бойцов. Дескать, есть из кого сколотить труппу. Не уехали в эвакуацию несколько актеров, есть певец из филармонии, есть танцор Махмуд Эсамбаев...

— Тот самый?

— Тот самый. Ныне всемирно известный. А вот репертуара нет. Тебе и писать, заявляют режиссеры. Сам Бог велел. Вот и родился театр народной героики и политической сатиры. Я писал пьесы, монологи, репризы. Центром программы стала моя пьеса "Три полководца". Этаким фантастический сюжет, где встречаются

Суворов, Чапаев и Александр Невский. В монологах полководцев — юмор, оптимизм, вера в победу, призывы хранить боевую славу русскую. Спектакль шел "на ура" в окопах под Малгобеком, в чудом уцелевшем клубе Моздока, в пехотном училище в Орджоникидзе, в освобожденном Ростове.

— Матвей Яковлевич, а правда, что именно в вашем фронтовом театре взойшла звезда великого нашего актера и режиссера Сергея Бондарчука?

— А вы сами посудите. Написал я две одноактные пьесы для программы о гвардейцах. В одной шла речь о гвардии 1812 года, а в другой — 1942-го. По замыслу, через обе пьесы должна была пройти судьба

газеты.

— Это в каком же году?

— В 1935-м. Тоже ведь одиссея. Из Грозного журналистская судьба забросила меня в Ростов, в редакцию молодежной газеты. Моя первая рецензия — на выступление в городе Лидии Руслановой. К слову, еще одна пожизненная дружба. К тому времени я много печатался в "Огоньке" и вскоре получил приглашение от его редактора Михаила Кольцова. Перебрался в Москву, остановился в семье Руслановой. И стал трудиться сразу в нескольких редакциях. У Кольцова, у Максима Горького в его журнале "Наши достижения" (до сих пор храню горьковскую правку), на радио. Печатал свои очерки в "Известиях", "Крестьянской газете".

Матвей ГРИН: Я, как и Бондарчук, начинался в Грозном...

В его судьбе причудливо
переплелось все: юмор и слезы,
окрыленность творчеством и
отчаяние лагерей, война минувшая
и чеченская трагедия

семьи русского крестьянина Степана Горячева, защитника Отечества, воина, патриота. В театре полагали, что обе роли должен сыграть один актер. А его как раз и не было. И вдруг кто-то мне сказал, что в грозненском батальоне аэродромного обслуживания есть парень, который отлично читает стихи и очень хочет стать актером. Конечно, после войны. Я и говорю: приводите. Привели. Ох, и хорош оказался мужик: выше среднего роста, плотный, с быстрыми, умными глазами, красивым голосом. Таким впервые я увидел Сергея Бондарчука, дружбу с которым пронес через всю жизнь. Много лет спустя я приехал в Смоленск писать программу к 1100-летию города. Для масовки в местном театре не оказалось нужного количества костюмов времен войны 1812 года. Прослышал, что рядом, километрах в двухстах от Смоленска, Бондарчук снимает "Войну и мир". Еду к нему. Расцеловались. И выдал мне Пьер Безухов (а именно его сыграл в фильме Бондарчук) такое обилие мундиров, что снарядил я тогда целый батальон, предварительно "перезнакомившись" с Кутузовым, Багратионом, Наполеоном, Раевским, Неем.

Именно во фронтовом Грозном я встретил на улице и привел в театр красивого молодого человека с гитарой за плечами. Это был Александр Галич...

— Все это поразительно интересно. Но давайте поговорим о другом театре. Том самом, в Ивдельлаге. Там вы оказались...

— Спустия несколько лет после своей первой отсидки. На Печоре. Я отбывал срок и заодно редактировал лагерную

Много разъезжал по стране с тогдашним вождем комсомола Косаревым. Этот факт оказался роковым: к Косареву и его окружению после убийства Кирова подбиралось НКВД. В 35-м в Москве открылся 2-й съезд колхозников. Его работу освещали 36 журналистов, в том числе и я. В ночь на 1 мая всех нас и взяли. Что инкриминировали? Попытку убить из ложи прессы товарища Сталина. Ни больше ни меньше. Приговор по тем временам объявили смехотворный: 3 года лагерей. Попал на Печору, где возводился "Судострой". Собралась там целая литературная группа, что и побудило меня написать рапорт начальству с просьбой разрешить издавать газету. Начальство связалось с Москвой. "Добро" было получено.

— А состав редакции помните?

— Как же можно забыть. Поэт Ярослав Смеляков, писатели Николай Асанов, Остап Вишня, Владимир Гжитский, военный журналист подполковник Владимир Забелин. Типография в 40 верстах, в городке Троицко-Печорск, мотались туда с конвоем. А сам лагерь находился близ деревни Покча, что и обыграл Смеляков в своей горькой эпиграмме, посвященной энкам, представляющим цвет ленинградской интеллигенции:

Им шумный свет был много ближе,
Знавали весь бомонд страны,
Мечтали жить под крышами Парижа,
Но вот живут у покчинской сосны.

— Однако вы вновь оказались в "Грозненском рабочем"?

— Заметьте, и это с паспортом, где черным по белому указывалось, что мне запрещено проживать в 64 городах страны. Я написал письмо в ЦК (а заодно попросил похлопотать за меня бывших коллег). Редактору "Рабочего" Москва ответила уклончиво и лаконично: "На ваше усмотрение". И он подставил свое плечо. Всю войну прошел в газете, был избран председателем местного отделения ВТО. В самый разгар войны на страницах "Советской культуры" Петр Павленко писал: "Сколько будет стоять Грозный, его жители никогда не забудут, что сделал для этого города фельетонист и драматург Матвей Грин". Да, обо мне не забыли. 22 июня 1949-го последовал новый арест. Шел уже как рецидивист. Впяли мне 25 лет плюс 5 лет поражения в правах и 5 лет ссылки, и по-

пал я в Ивдельлаг. Там-то и был знаменитый театр, в котором пел заключенный Дмитрий Данилович Головин. Его ходатайство перед лагерным начальством и решило мою судьбу, стал художественным руководителем труппы.

— Головин? Солист Большого театра? Величайший баритон мира?

— Вот именно — величайший. Это о нем писала итальянская газета: "В Россию баритонам ездить нельзя — у них есть Головин". В октябре 41-го, когда немцы были под Москвой и Большой театр эвакуировался в Куйбышев, небольшая группа артистов осталась в столице для работы во фронтовых бригадах: Обухова, Катульская, Ханаева, Габович и Головин. Потом следователь на Лубянке скажет Головину: "Ясно! Фашистов дожидались, потому и остались!" Такова была логика этих людей. Я никогда не забуду, как однажды в лагерь приехали высокие гости из Москвы. Нам было приказано подготовить концертную программу. И когда на сцене появился Дмитрий Данилович, кто-то из заезжих гостей на весь зал воскликнул: "Да ведь это же Головин!" Это было очень смело, вместо фамилий я объявлял со сцены лишь номера эзков. Так было заведено. После концерта гость ворвался за сцену, сгреб Головина в объятия. И тот и другой не могли сдержать слез. Вот при каких обстоятельствах и познакомился с академиком Анатолием Петровичем Александровым, великим нашим ученым-атомщиком.

— Матвей Яковлевич, несколько слов о "личном составе" театра.

— Всего около 80 человек, вместе с цехами, костюмерной, портняжной, сапожной, мастерскими. Артисты... О, это были великие артисты. Театральным оркестром руководил незабвенный Александр Варламов, грамзаписи которого звучат и поныне. Ядро оркестра составляли музыканты с трагической военной судьбой. У иных — плен, сначала немецкий, потом и американский, передача нашим. Здесь — по 15 лет каждому — и в Ивдельлаге. Пели у нас Елена Чернова из Одесского театра, жена Петра Лещенко Вера, чудесный тенор Иван Стрельцов. В Москве пел он для солдат 41-го, на концертах в замаскированном Колонном зале. Танцевали прекрасные балерины из Вильнюса...

— Ну а репертуар? С чем выходили артисты на сцену?

— Самым большим успехом пользовались оперы "Мазепа", "Евгений Онегин", "Риголетто" (как блистал Головин!), музыкальные комедии "Голубой Дунай", "Вольный ветер" (само это сочетание в зоне раннего очень больно), "Сидьва"... Оркестр играл фантазии на темы песен советских композиторов, антракт из оперы "Кармен" или увертюры Глинки и Штрауса. Солисты исполняли популярные арии, романсы, песни известных композиторов, хореографические номера. А "Русский характер" Алексея Толстого! Как читал его капитан 2 ранга Александр Васильевич Дмитриев — единственный непрофессионал в театре. Старый петербуржец, участник дореволюционных любительских кружков, он мог дать фору любому профессионалу, когда играл на нашей сцене в комедиях Островского, пьесах Чехова...

— Столько хлебнуть, Матвей Яковлевич, и остаться при этом оптимистом. Не класть на каждом углу "проклятую советскую власть", жить в ладу с собой и прошлым... Трудно это?

— Класть свое прошлое? Юность комсомольскую свою? Дружбу с людьми, которые жили, любили, страдали рядом со мной? Нет уж, увольте! Времена не выбирают... Память о великой стране, о ее нетленной культуре, о красоте и стойкости ее людей... Это со мной до конца. Это в моих книгах, включая и последнюю — "Театр за колючей проволокой", и в сердце моем. Я вот и сегодня, глядя на телеэкран, который будоражит душу чеченской трагедией, глядя на измученные лица наших солдат, вспоминаю тех, кто оборонял в Великую Отечественную советский город Грозный. И повторяю, повторяю про себя: "Сохрани вас Бог, ребята, верни целыми и невредимыми домой".

Беседу вел
Владимир КАУШАНСКИЙ,
"Красная звезда".
Фото Юрия ШИПИЛОВА.